

А.С.Андреев

Коминтерн и эволюция профсоюзного движения в странах Южного конуса в XX—XXI вв.

Основой формирования левого движения во всех странах Латинской Америки стали профессиональные объединения, возникшие в последней четверти XIX в. На протяжении довоенного периода работа с профсоюзами являлась важнейшим вопросом повестки Коминтерна в латиноамериканском регионе. В послевоенные годы эти организации стали одной из основ коалиций левых сил для борьбы с военными режимами. В данной статье рассматривается влияние Коминтерна — его деятельности и программы — на формирование профсоюзного движения стран Южного конуса. На основе документов Коминтерна, коммунистических партий и собственно профессиональных объединений определяются этапы становления профдвижения, влияние наследия Коминтерна на современное профсоюзное движение.

Ключевые слова: Уругвай, Аргентина, Чили, профсоюзы, рабочее движение, Коминтерн.

DOI: 10.31857/S0044748X0012276-2

Статья поступила в редакцию 18.06.2020.

В современной науке все больше внимания уделяется анализу форм и механизмов общественных объединений, гражданского общества и социальной организации. Как отмечает американский политолог Венди Браун, неолиберальная модель развития разрушает базовые элементы демократии, в том числе через подавление и дезорганизацию профсоюзного движения [1]. В условиях «правого поворота» в Латинской Америке [2], общественных страхов перед возвратом неолиберальной социально-экономической политики, проводившейся правительствами стран Южного конуса* в 1990-е годы, этот тезис приобрел особую актуальность. На протяжении

Антон Сергеевич Андреев — кандидат исторических наук, старший преподаватель СПбГУ (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, anton.andreev89@gmail.com).

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Коминтерн и Латинская Америка: исторические традиции и политические процессы» (№ 19-18-00305).

* Под Южным конусом в данной статье понимаются Аргентина, Чили и Уругвай.

всего XX в. профсоюзы не только были опорой тех или иных режимов, но и часто являлись объектом борьбы за влияние со стороны левых партий.

История профсоюзного движения в странах Латинской Америки остается популярной темой для исследователей [3, 4, 5]. На базе профсоюзов были сформированы региональные рабочие федерации, социалистические и коммунистические группы. При этом они сохраняли независимость и активно участвовали в принятии рабочего законодательства, в борьбе с диктаторскими режимами 1930-х годов, в формировании единого и народного фронтов, а в послевоенные годы — в противостоянии военным режимам. Эти сюжеты нашли отражение в работах Эрнана Камареро [6] и Александра Ивановича Строганова [7].

Особое внимание в историографии уделяется деятельности в Латинской Америке Профинтерна [8]. Политическая и общественная роль профсоюзов в послевоенные годы исследовалась в работах Алехандро Шнайдера [9], Франциско Пуччи [10], Маркоса Супервиля [11], Виктора Ульоа [12] и др. Изучая рабочую прессу, мемуары, личные собрания авторы в то же время были лишены доступа к архивам Коминтерна, что ограничивало горизонт анализа. Новый импульс историографии придало наступление «левого поворота», в контексте которого Виктория Хайдар [13], Матиас Каро [14], Паула Валера [15], Хайме Яффе [16] и др. изучали развитие профсоюзного движения, фокусируясь на перегруппировке левых сил и роли профсоюзов в формировании повестки левых правительств. При этом не вполне решенной остается проблема влияния Коминтерна на эволюцию профсоюзного движения и сохранение традиций III Интернационала в действующих профсоюзных организациях.

ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЭПОХУ КОМИНТЕРНА: ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ

Промышленный переворот в Латинской Америке последней четверти XIX в. привел к формированию класса рабочих и созданию первых объединений для защиты прав трудящихся. В 1901 г. возникает Региональная федерация рабочих Аргентины (*Federación Obrera Regional Argentina, FORA*), в 1904 г. — Региональная федерация рабочих Уругвая (*Federación Obrera Regional Uruguaya, FORU*), в 1906 г. — Федерация трудящихся Чили (*Federación de Trabajadores de Chile, FTCH*) [17, p. 59]. В эти же годы были заложены национальные особенности профсоюзного движения, которые во многом оказались идентичны: конкуренция анархистского и социалистического профцентров, роль профсоюзов в разработке и принятии традиционными партиями рабочего законодательства, борьба за влияние в среде рабочих с левыми фракциями традиционных буржуазных партий. Указанные федерации оставались крупнейшими рабочими организациями на протяжении всей эпохи Коминтерна.

Основанные в 1896 г Социалистическая партия Аргентины (*Partido Socialista de Argentina, PSA*), 1910 г. — Уругвая (*Partido Socialista de Uruguay, PSU*), 1912 г. — Социалистическая рабочая партия Чили (*Partido Obrero Socialista, POS*) [18, pp. 94-95] с момента своего создания пытались распространять влияние на профцентры, находившиеся под влиянием

анархо-синдикализма, но не все достигали успеха: если в Чили влияние компартии было сильным, то в Уругвае и Аргентине результаты деятельности компартий были незначительны. В то же время, несмотря на принятие рабочего законодательства [19, р. 130], количество стачек и забастовок в странах субрегиона не снижалось. При этом благодаря тому, что частично проблемы рабочих решались традиционными парламентскими партиями, их поддержка со стороны трудящихся усиливалась, что в дальнейшем отрицательно сказалось на эффективности агитационной и организационной работы левых сил в Аргентине и Уругвае.

События Октябрьской революции 1917 г. оказали значительное влияние на эволюцию профсоюзов. Некоторые профцентры ее поддержали. В частности, в Москву были направлены приветственные письма от *FORU* [20] и федерации транспортных работников Аргентины [21].

Вступление компартий Аргентины, Уругвая и Чили в III Интернационал изменило структуру левого движения региона. В 1920 г. В.И. Ленин сформулировал принципы отношения ВКП(б) и Коминтерна к профсоюзам, объявленным «школой организационных навыков и политического воспитания трудящихся» [22, с. 32]. Ленин указывал на необходимость работы коммунистов во всех профсоюзных организациях, борьбы за влияние в профсоюзах для достижения политических целей, предлагая Исполкому Коминтерна разработать тактику и стратегию работы компартий в профессиональных объединениях [23, pp. 29-39]. Эти установки учтены и компартиями Латинской Америки.

В 1920-е годы профсоюзы продолжали охватывать небольшое количество рабочих. По данным одного из лидеров Коммунистической партии Уругвая (*Partido Comunista del Uruguay, PCU*) Франсиско Пинтоса, согласно переписи Национального управления труда Уругвая 1926 г. в стране насчитывалось 92 894 рабочих, из которых лишь 6800 человек состояли в профсоюзах и лишь около 700 были членами компартии [24, р. 191], что осложняло для коммунистов выполнение поставленных перед ними задач. Аналогичная ситуация наблюдалась в Аргентине и Чили.

Как отмечает уругвайский историк Херардо Каэтано [25, р. 179], Октябрьская революция расколола не только социалистов, но и анархистов, часть которых поддержала большевиков, а часть заявила о неприемлемости для анархистского движения любой диктатуры, даже диктатуры пролетариата. В Уругвае в 1921 г. сторонниками Октябрьской революции был создан Комитет рабочего единства (*Comité Pro Unidad Obrera, CPUO*), на базе которого в 1923 г. был основан Уругвайский профсоюзный центр (*Unión Sindical Uruguaya, USU*), объединивший как анархо-синдикалистов, так и представителей коммунистической и социалистической партий. Через несколько лет внутри *USU* возник коммунистический Блок рабочего единства (*Block de Unidad Obrera*), сформировавший в 1929 г. отдельную структуру — Конфедерацию труда Уругвая (*Confederación General del Trabajo del Uruguay, CGTU*) [24, р. 213].

Аналогичные процессы происходили в Аргентине и Чили — профсоюзы находились в состоянии острых внутренних дискуссий и размежевания между сторонниками и противниками Октябрьской революции. Так, в 1922 г. произошел раскол профсоюзного движения в Аргентине, привел-

ший к созданию Аргентинского профсоюзный центр (*Unión Sindical Argentina, USA*), на базе которого в 1930 г. была создана Конфедерация труда Аргентины (*Confederación General del Trabajo de la República Argentina, CGTA*) [26, pp. 44-52]. В Чили в начале 1930-х годов также окончательно утвердилась система трех профсоюзных центров, формировавшихся ранее, — прокоммунистическая Рабочая федерация Чили (*Federación Obrera de Chile, FOCH*), анархистская Всеобщая конфедерация труда (*Confederación General de Trabajadores, CGT*) и социалистическая Национальная конфедерация профсоюзов (*Confederación Nacional Sindical, CNS*) [27, p. 178].

Практически с момента создания Коминтерн полагал недостаточной работу своих национальных секций в Латинской Америке среди профсоюзов. Необходимость систематизации подобной деятельности привела к созданию в 1921 г. Профинтерна (Красного интернационала профсоюзов), призванного координировать организационные связи компартий с профсоюзными организациями, повысить эффективность участия коммунистов в рабочем движении. Несмотря на все усилия Москвы, деятельность Профинтерна в Латинской Америке сложно назвать успешной [28, p. 173]. На протяжении 1920-х годов руководство Коминтерна неоднократно указывало партиям на необходимость активизации работы в профсоюзах, считая это направление одним из самых слабых. Пролетариат стран Южного конуса характеризовался как «распыленный и неоднородный» [29], большая часть которого объединялась в автономные рабочие организации вне единых центров. Несмотря на предписания Коминтерна, значительного улучшения в профсоюзной работе не происходило, компартии продолжали оставаться в значительной степени на периферии профсоюзного движения, не имея в нем существенной поддержки. При этом сами партии не до конца понимали, с какими из профсоюзных групп им можно и нужно сотрудничать.

Например, делегат Исполкома Коминтерна в Аргентине Михаил Алексеевич Комин-Александровский настаивал на союзе компартии (*Partido Comunista de Argentina, PCA*) с так называемыми трабахистами — левым крылом профсоюзов, настаивавшим на создании единого профсоюзного центра и вступлении в Профинтерн. Эмиссар Москвы полагал, что деятельность *PCA* в профсоюзах неэффективна, а значит члены партии должны наращивать контакты с дружественными группами, чего не происходило. Руководство компартии пассивно ожидало объединительного профсоюзного конгресса, срывая агитационную и пропагандистскую работу [30, pp. 118-128]. Позиция партии во многом стала причиной того, что анархисты (*FORA*) сохраняли контроль над крупнейшими профсоюзами весь межвоенный период, оставаясь основой рабочего движения.

Во второй половине 1920-х годов началось формирование организационных связей между профсоюзами трех стран. В сентябре 1928 г. в Монтевидео прошла встреча активистов из Аргентины (Мигель Контрерас), Уругвая (Эухенио Гомес, Хуан Льорка) и Чили (Хуан Руис), обсудивших вопросы тактики коммунистической работы в профсоюзах, а также установки IV конгресса Профинтерна и Латиноамериканской профсоюзной конференции, состоявшихся ранее в Москве [8, p. 124]. Это стало шагом к подготовке общеконтинентального профсоюзного конгресса, открывшегося 15 мая 1929 г. в Монтевидео [31]. Конгресс, призванный объединить ра-

бочих, еще больше расколол их; многие профсоюзы рассматривали работу Профинтерна как стремление влиять на внутреннюю политику латиноамериканских стран. С одной стороны, применение тактики «класс против класса», а также борьба с правым уклоном и «социал-фашизмом» разобщали и радикализировали рабочее движение. С другой стороны, пришедшие им на смену тактики единого [32] и народного фронтов [33], предполагавшие создание единых профцентров, нередко оказывались неуспешными ввиду стремления компартий быть исключительными лидерами объединительного процесса. Только в Чили и коммунистические, и социалистические профсоюзы стали действительным актором политического процесса, приняв активное участие в установлении и деятельности социалистической республики (4-16 июня 1932 г.) [34].

Стоит отметить, что сами компартии крайне критически относились к своей работе в профсоюзах. Так, в ходе второй конференции компартий Латинской Америки (октябрь 1930 г.) делегат Аргентины «Гальвес» (Луис Виктор Сомми) [35, р. 586] заявлял о том, что *РСА* «избегает работы в профсоюзах» [36]. Аналогичная ситуация наблюдалась в Уругвае и Чили: «рабочие во много раз лучше партий» [37].

В эпоху Коминтерна сложились важные черты профсоюзного движения: отсутствие единства, наличие нескольких организационных центров, неспособность организаций на местах выработать общие тактику и стратегию, низкая вовлеченность рабочих в профсоюзную работу, отсутствие коллективного принятия решений, вождизм. В то же время основа профсоюзного движения в странах Южного конуса была разной. Если в Аргентине и Уругвае особое влияние имели морские и сельскохозяйственные работники, то в Чили активнее были рабочие горнодобывающей промышленности. В Аргентине и Уругвае компартии лишь боролись за влияние в профсоюзах, в то время как в Чили именно профсоюзы стали основой для становления компартии. Национальные особенности экономики, положение рабочих и ситуация во внутренней политике были в межвоенный период более значимым фактором пролетарского движения, нежели влияние Коминтерна.

ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Роспуск Коминтерна в 1943 г. лишил компартии стран Латинской Америки единого организационного центра, заставив их самостоятельно разрабатывать тактику и стратегию в новых политических условиях. В ряде случаев это способствовало тому, что левые силы стран обратили внимание на национальную социально-экономическую повестку, в том числе попытались скорректировать работу в профсоюзах. При этом и сами профсоюзы стали новыми субъектами политики.

В частности, укрепление «перонизма» в Аргентине привело к расколу и реструктуризации профсоюзного движения. Большая часть профсоюзов, в том числе *CGT*, были встроены в сформированную систему государственного управления [38] и перешли под контроль нового правительства. Преследование левых сил в целом, коммунистов, независимых профессиональных организаций сопровождалось разработкой социального законодательства, ростом численности подконтрольных рабочих объединений. Но

помимо крупных перонистских профсоюзов оставались и менее значимые оппозиционные, среди которых сохраняли влияние социалисты и коммунисты, практически вытесненные из важнейших профсоюзных объединений.

После периода противостояния наступил период объединения, когда профсоюзы страны сумели соединить усилия в борьбе с военной диктатурой (1976—1983), начавшей репрессии в отношении рабочих организаций, левых сил, *PSA* и *PCA* [39, pp. 50-71]. Реформы трудового законодательства — ограничение деятельности профсоюзов, права на забастовку, пересмотр коллективных договоров и т.д. — ударили по интересам рабочих. Одновременно произошел внутренний конфликт между профсоюзной бюрократией, встроившейся в новую государственную систему, и обычными рабочими, страдавшими от принимавшихся решений. При этом сохранялись многие традиции, утвердившиеся в эпоху Коминтерна: наличие нескольких профсоюзных центров и разрозненность движения. Даже в этот период ни *PSA*, ни *PCA* не смогли возглавить профсоюзное движение, превращавшееся в самостоятельного политического игрока, способного влиять на решения президентов и правительств. С другой стороны, деятельность профсоюзных руководителей в 1970—1980-е годы (которые либо не препятствовали репрессиям в отношении рабочих, либо делали это формально) и споры об отношении к реформам правительства Карлоса Менема (1989—1999 гг.) привели к появлению в начале 1990-х годов новой волны профсоюзного движения и созданию в 1992 г. Центрального профсоюза аргентинских рабочих (*La Central de Trabajadores de la Argentina, CTA*), ставшей основой для проведения левоцентристской политики «киршнеризма»* [40].

В Уругвае послевоенные правительства стремились реализовать политику всеобщего благосостояния, модернизируя рабочее законодательство, что способствовало сплочению профсоюзов. В 1940-е годы был создан Всеобщий союз трудящихся (*Unión General de Trabajadores, UGT*), объединивший анархистские, социалистические и независимые профсоюзы [41, pp. 31-36]. Однако уже в 1950-е годы начался кризис движения: зачастую на одном предприятии существовало несколько профсоюзных групп, которые боролись за влияние между собой. Каждый из параллельных профцентров стремился к наибольшей репрезентативности, происходило «дробление» профсоюзов, появилось значительное количество автономных организаций.

Экономические неурядицы второй половины 1950-х — начала 1960-х годов, а также победа революции на Кубе стали фактором очередного этапа левого движения страны. Деятельность Национального совета правительства Уругвая (1952—1967 гг.) [42, pp. 62-75] привела к увеличению инфляции и безработицы, наращиванию государственного долга, росту стоимости жизни и падению реальной заработной платы. Ответом на правую угрозу и неолиберальную социально-экономическую политику стало появление отрядов *Tupamaros* — городских партизан, начавших в середине 1960-х годов вооруженное сопротивление правительству, но угрожавших при этом и *PCU* [43, p.476]. Однако радикализация части левых сил не

* Киршнеризм — политическая и экономическая доктрина президентов Нестора Киршнера (2003—2007 гг.) и Кристины Фернандес де Киршнер (2007—2015 гг.).

привела к радикализации профсоюзного движения. Как и в эпоху Коминтерна, уругвайские профсоюзные организации не разделяли идеи вооруженного сопротивления и террора, стараясь противостоять действиям правительства через расширение и укрепление организаций, усиление пропаганды, создание объединительных проектов, призванных координировать действия профсоюзов в условиях политического давления и необходимости борьбы за улучшение социально-экономических условий.

С другой стороны, в 1960-х годах произошла «ломка» одной из традиций Коминтерна: профсоюзы начали формировать собственные политические программы, предлагать программы реформ, созданные вне партийных организаций. Левые партии, которые считались Москвой в 1920—1930-е годы основой рабочего движения, уступили лидерство общественным и профсоюзным движениям, носившим внепартийный характер. Так, созданная в 1964 г. Национальная конвенция рабочих (*Convención Nacional de Trabajadores, CNT*) провела в 1965 г. Конгресс народа, сформировавший программу социально-экономических и политических преобразований [44, pp. 27-36]. С 1966 г. *CNT* стал единым профсоюзным центром страны, а также центром формирования программ антикризисных решений. Активная работа профсоюзов нашла свое отражение в принятии новой Конституции Уругвая в 1967 г.

Особую роль профсоюзы сыграли в преодолении военной диктатуры 1973—1985 гг. В условиях преследований левые силы страны начали объединяться, создав в 1971 г. Широкий фронт (*Frente Amplio, FA*). Профсоюзы также координировали свои усилия, что привело к созданию в начале 1980-х годов Межпрофсоюзного пленума рабочих (*Plenario Intersindical de Trabajadores, PIT*), сотрудничавшего с *FA* [45, p. 216]. Работа профсоюзов стала одним из факторов провала референдума по конституционному проекту в ноябре 1980 г., организовывались забастовки, росло студенческое движение.

В послевоенные годы многие традиции профсоюзного движения Уругвая, сформированные в эпоху Коминтерна, ушли в прошлое. В частности, если для 1920—1930-х годов была характерна борьба за идеологическое единство внутри каждого профсоюза и профсоюзного центра, то в 1960—1980-е годы произошло объединение профессиональных объединений разной идеологической направленности ради достижения конкретных политических задач. В 1990-е годы идеология в деятельности *PIT-CNT* полностью отошла на второй план, уступив место социально-экономическим требованиям, программе борьбы с неолиберальными вызовами, разработке прикладных программ национальных реформ. С другой стороны, традиции Коминтерна сохранились в части формирования единого фронта для борьбы с правой угрозой и военной диктатурой.

В Чили ситуация была иной. С формирования Народного фронта в 1938 г. и победы на выборах кандидата от левых сил Педро Агирре Серды (1938—1941) Конфедерация трудящихся Чили (*Confederación de Trabajadores de Chile*) стала участвовать в работе правительства страны [46, p. 235]. В отличие от профсоюзов Аргентины и Уругвая, чилийские профсоюзы на время перестали быть протестным и оппозиционным движением, сосредоточившись на своей институционализации, увеличении численно-

сти и расширении участия в принятии государственных решений. В послевоенные годы развитие профсоюзного движения в Чили шло параллельно с борьбой против коммунистических лидеров, что означало переформатирование рабочих организаций и зачастую смену их руководителей. При президенте Габриэле Гонсалесе Виделе (1946—1952 гг.) шло постепенное вытеснение компартии (*Partido Comunista de Chile, PCCh*) и связанных с ней профсоюзов из общественной жизни. При этом именно эти репрессии, как и распад Народного фронта, привели к реструктуризации профсоюзного движения и созданию в 1953 г. Объединенного рабочего центра Чили (*La Central Unitaria de Trabajadores de Chile, CUT*) [47, p. 244].

Как и в эпоху Коминтерна, профсоюзы оказывали существенное влияние на правительство страны в 1960-е годы. При их поддержке были проведены экономические и социальные преобразования, вырос уровень жизни, была достигнута стабильность в финансовой и внешнеполитической деятельности. Однако во второй половине 1960-х годов на фоне экономических проблем и ввиду существенного влияния *CUT* на чилийское общество началась борьба партий и правительства за гегемонию в профцентре, что привело к попыткам создать нескольких параллельных профсоюзных объединений национального масштаба. С усилением Христианско-демократической партии Чили (*Partido Demócrata Cristiano, PDC*) происходило расширение ее влияния на профсоюзы [48, pp. 57-70]. Уникальным стало подписание в 1969 г. официального соглашения между правительством и *CUT* о социальном развитии, оплате труда на 1970 г. [49, p. 449]. Подобного оформления диалога между профсоюзным центром и правительством не было ни в Аргентине, ни в Уругвае.

Продолжением включения профсоюзов в процесс государственного управления стало соглашение между *CUT* и президентом Чили Сальвадором Альенде (1970—1973 гг.), согласно которому профцентр получал государственное финансирование и участвовал в планировании национальной экономики. При этом в выдвижении кандидатуры самого Альенде на пост президента участвовала часть профсоюзов, вошедшая в сформированную левыми силами коалицию Фронт народного действия (*Frente de Acción Popular, FRAP*). Как и в Аргентине, чилийские профсоюзы формировались в качестве самостоятельного актора политического процесса, проводившего собственную линию, не зависящую от социалистов и коммунистов. В 1950—1970-е годы профсоюзы постепенно отказывались от идеологической борьбы, стремясь, прежде всего, защищать интересы трудящихся, а с другой стороны, сглаживали радикальные настроения рабочих, избегая прямого участия в конфликтах социалистов и коммунистов.

Как и в Аргентине, в Уругвае и Чили в годы военной диктатуры именно профсоюзы стали основой политической борьбы. *CUT* превратился в центр объединения демократических сил, расширения студенческого движения, организации местных антидиктаторских объединений. Опыт рабочего протеста трансформировался в гражданский протест, рост которого привел к восстановлению демократии в марте 1990 г. и расширению участия профсоюзов в политической жизни страны в конце XX — начале XXI вв.

НАСЛЕДИЕ КОМИНТЕРНА В ПРОФСОЮЗНОМ ДВИЖЕНИИ XXI ВЕКА

Первые десятилетия нового столетия ознаменовались «левым поворотом» в политическом и социально-экономическом развитии Латинской Америки. К власти в Уругвае и Чили пришли левоцентристские силы, а Аргентине — «хустисиалисты»*, также проводившие левую политику. Эти изменения привели к эволюции профсоюзного движения.

Во многом активизация профсоюзного движения была вызвана нелиберальными экономическими реформами 1990-х годов, которые привели к росту безработицы, снижению социальных расходов и ухудшению социального климата, сокращению социальных гарантий, росту теневой экономики, в том числе теневого и нелегального найма. В этом отношении оказались актуальными установки Коминтерна для профсоюзов в период «Великой депрессии» — объединение усилий для выдвижения социальных требований и утверждение невозможности решения экономических проблем за счет ухудшения положения трудящихся.

В Аргентине эпоха «киршнеризма» была связана с преодолением экономического кризиса, ростом рынка труда, что, в свою очередь, привело к активизации профсоюзного движения и его участию в реформировании рабочего законодательства, в выработке программы развития страны. Сохраняется тенденция, заложенная в эпоху 1950—1970-х годов: централизация профсоюзов, серьезное влияние «хустисиалистов» на крупнейшие профсоюзные центры. При этом можно отметить изменение структуры профсоюзов. Глобализация, информатизация экономики в начале XXI в. привела к появлению новых профессий и новых объединений, которые только начинают занимать свое место. Наблюдаются обновление состава профсоюзных лидеров, смена поколений, перестройка методов и форм агитации. Экономический кризис последних лет, падение уровня доходов в связи с девальвацией привели к новому витку политической борьбы между правыми и левыми, ведущую роль в которой продолжают играть профцентры страны, без чьей поддержки была бы невозможна победа Альберто Фернандеса на президентских выборах 2019 г.

В Уругвае отношения между правящим *FA* (2005—2020 гг.) и профсоюзными лидерами не обходились без конфликтов. Несмотря на поддержку межсиндикального союза *PIT-CNT* действий администраций Табаре Васкеса (2005—2010 гг., 2015—2020 гг.) и Хосе Мухики (2015—2020 гг.), профессиональные организации не придерживались единой позиции в отношении всех действий правительства. Ультралевые и прокоммунистические профсоюзы, несогласные с умеренным характером преобразований, организовывали забастовки и выступления, в том числе 24-часовую всеобщую забастовку 20 августа 2008 г.

Коммунистические элементы в *PIT-CNT* последовательно критиковали правительство Х.Мухики за нежелание идти по пути радикальных левых

* Хустисиализм (от исп. *justicia* — «справедливость») — доктрина создания «справедливого» государства в Аргентине; выдвинута в 1946—1947 гг. президентом Хуаном Доминго Пероном (1946—1955 гг.).

преобразований; при этом центристские силы внутри профсоюзов систематически поддерживали инициативы *FA*. Отношения профсоюзов с правящей коалицией достигли пика во время избирательной кампании, так как *PIT-CNT* и *FA* преследовали одну цель — сохранение у власти левых сил. При этом в ходе реализации правительствами *FA* своей программы коалиция систематически получала порции критики по стороны профсоюзов по вопросам социальной политики: например, доли бюджета страны, выделяемой на образование и т.п. Нельзя не отметить лозунг профсоюзов, выбранный для участия в электоральной кампании 2019 г.: «Независимые, но не безразличные» («*Independientes, pero no indiferentes*») [50], что в целом отражает их роль и место в политической жизни страны. По сравнению с эпохой Коминтерна профсоюзы значительно усилили свое влияние на правительство, но *PSU* и *PCU* так и не смогли получить в них значительной поддержки.

В Чили в период правления Мишель Бачелет (2006—2010 гг., 2014—2018 гг.) наблюдался подъем профдвижения. При сильных профсоюзных центрах, которые были способны вести переговоры с правительством и расширять свое присутствие на крупных предприятиях отмечалось незначительное участие в низовой работе. Также как в Аргентине и Уругвае, чилийское профсоюзное движение расширялось за счет женского, молодежного движений, равно как и профсоюзов, защищающих права иностранных работников, что изменило повестку дня. В Чили за 2002—2008 гг. число женщин — членов профсоюзов увеличилось на 118 тыс. человек — с 20 до 30% от общего количества [51], что делает актуальной повестку, предлагавшуюся Коминтерном в 1920-е годы в части агитации среди женщин и студентов.

В целом «левый поворот» открыл новую страницу в профсоюзном движении, дав ему возможность закрепиться в качестве одного из ведущих акторов политического процесса и принятия решений. С другой стороны, несмотря на существование крупных профсоюзных центров, нельзя говорить о полном профсоюзном единстве: во всех трех странах существует леворадикальное профсоюзное крыло, призывающее проводить крайне жесткую антиправительственную политику, что становится особенно актуальным в последние годы в связи с растущим социальным неравенством и экономическими проблемами.

Анализируя эволюцию профсоюзного движения в Аргентине, Уругвае и Чили, можно выделить несколько основных этапов его становления. Начинаясь как ответ на вызовы капитализма, профсоюзное движение прошло путь от рабочих групп и федераций до общенационального движения, включившего представителей сферы услуг и государственных служащих. В 1980—1990-е годы во всех странах происходили его постепенная децентрализация и структурная диверсификация, связанные с изменением моделей национальных экономик.

На формирование профсоюзов оказала влияние политика традиционных партий, находившихся у власти в довоенное время. Приняв меры по улучшению положения рабочих, правительства Аргентины и Уругвая остановили радикализацию левых, вынуждая Коминтерн формировать во многом искусственную тактику и стратегию деятельности аргентинской и уругвайской секций в отношении профсоюзов.

Тактики единого и народного фронтов, сформулированные Коминтерном и предложенные для реализации компартиям, помогли профцентрам разрабатывать и реализовывать объединительные проекты, создавая механизмы совместной работы с коммунистическими и социалистическими группами. При этом именно Коминтерн настаивал на отказе компартий региона от «сектантских» позиций, указывая на необходимость объединения левых для преодоления общих внутривнутриполитических вызовов — сначала военных диктатур, а затем и фашистской угрозы. Этот опыт политической борьбы был использован профсоюзами Аргентины, Уругвая и Чили для преодоления вызовов, последовавших в послевоенные годы.

Методы управления в профсоюзах претерпели серьезную эволюцию — от вождизма 1920—1930-х к коллективизму, общности и горизонтальным связям 1960—1980-х годов, созданию эффективных управленческих структур, необходимость которых подчеркивалась Коминтерном. С другой стороны, профсоюзы прошли путь деидеологизации, что противоречит установкам и представлениям III Интернационала.

Вопреки установкам Коминтерна профсоюзы не стали механизмом подготовки кадров для социалистических и коммунистических партий, став самостоятельным актором политической жизни. При этом именно профсоюзы, а не партии, стали выразителем социально-экономических запросов наемных работников (учитывая особенности национальной экономики), обрели свое место в политическом пространстве, заявили о себе как о полноправном участнике политической борьбы. В этом отношении модель, предложенная Коминтерном — борьба партий за влияние в рабочих объединениях, — ушла в прошлое. Не партии стали основой для объединения профсоюзов, а профсоюзы — основой для формирования общенационального политического движения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Brown W. *Undoing the Demos. Neoliberalism Stealth Revolution*. New York, Zone Books, 2015, 296 p.
2. Jefeys V.L., Jefeys L.S. Particularidades y perspectivas del resurgimiento del “Fénix de la derecha” en América Latina, *Iberoamérica*, 2016, N 3, pp.34-60.
3. Porrini R. Clase obrera, sindicatos y Estado en el Uruguay de la expansión industrial (1936-1947). Algunas conclusiones y nuevos problemas para su investigación, *Estudios Iberoamericanos*, Porto Alegre, 2003, vol. XXIX, N 2, pp.171-196.
4. Zubillaga C. *Las voces del Combate: un vocabulario de los orígenes del movimiento sindical uruguayo*. Montevideo, Librería de la Facultad de Humanidades y Ciencias de la Educación, 2000, 98 p.
5. Alexander R.J., Parker E.M. *International Labor Organizations and Organized Labor in Latin America and the Caribbean*. Santa Barbara, ABC-CLIO, 2009, 312 p.
6. Camarero H. *A la Conquista de la Clase Obrera: Los Comunistas y el Mundo Del Trabajo en la Argentina, 1920-1935*. Siglo Veintiuno Editora Iberoamericana. Buenos Aires, 2007, 400 p.
7. Строганов А.И. Латинская Америка: страницы истории XX века. М., 2011, 168 с. [Stroganov A. I. *Latinskaya Amerika: stranitsy istorii XX veka* [Latin America: Pages of 20th Century History]. Moscow, 2011, 168 p.] (In Russ.).
8. Tosstorff R. *The Red International of Labour Unions (RILU) 1920-1937*. Leiden, BRILL, 2016, 936 p.

9. Schneider, A. Una lectura sobre las organizaciones de base del movimiento obrero argentino (1955-1973), *Archivos De Historia Del Movimiento Obrero Y La Izquierda*, Buenos Aires, 2013, № 2, 33-54.
10. Pucci F. Sindicatos y negociación colectiva (1985-1989). Montevideo: CIESU, 1992, 135 p.
11. Supervielle, M. El sindicalismo uruguayo. Estructura y acción. Montevideo: Fundación de Cultura Universitaria, 1995, 128 p.
12. Ulloa V. El movimiento sindical chileno. Del siglo XX hasta nuestros días. Santiago: Oficina Internacional del Trabajo, 2003, 23 p.
13. Haidar V. ¿Enemigos o garantes de la libertad?: la problematización de la “cuestión sindical” en el campo del liberalismo argentino (1955-1976), *Trabajo y sociedad*, Santiago del Estero, 2019, N 32, pp. 479 – 505.
14. Caro M. La configuración del modelo sindical de Argentina y Brasil en su relación con el Estado (De la colonia al neoliberalismo), *Trabajo y sociedad*, Santiago del Estero, 2019, N 33, pp. 291–300.
15. Varela P. El gendarme en el umbral: enfoques y debates sobre la burocracia sindical en el kirchnerismo. *Archivos De Historia Del Movimiento Obrero Y La Izquierda*, Buenos Aires, 2016, N 8, pp. 97-116.
16. Yaffé J. Senatore Luis. Los sindicatos uruguayos ante el primer gobierno de izquierda, OSAL, Observatorio Social de América Latina, Buenos Aires, 2005, N 16, pp. 91-99.
17. Rubio J. L. Dependencia y liberación en el sindicalismo iberoamericano. Madrid, Sala, 1977, 182 p.
18. López d'Alesandro F. Historia de la izquierda uruguaya. T. I. Anarquistas y socialistas, 1838-1910. Montevideo, El Nuevo Mundo, 1988, 288 p.
19. Fraga Iribarne M. Sociedad política y gobierno en Hispanoamérica. Instituto de Estudios Políticos, 1971, 674 p.
20. La carta de FORU al Gobierno soviético, 20.03.1919. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.495, оп.131, д.8, л.1-3. [Russian State Archive of Social and Political History. RGASPI. F.495, op. 131, d.8, pp.1-3].
21. La carta de l Federación de Trabajadores del Transporte de Argentina, 19.04.1919. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 134, д. 6, л. 5. [Russian State Archive of Social and Political History. RGASPI. F. 495, op. 134, d. 6, l. 5].
22. Из резолюции «О роли и задачах профсоюзов». *Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения*. А.Я.Подземский (сост.). М., Народный комиссариат просвещения РСФСР, 1931. 496 с. [Iz rezolyutsii «O roli i zadachakh profsoyuzov [De la resolución “Sobre el papel y las tareas de los sindicatos”] *Direktivy VKP(b) po voprosam prosveshcheniya* [Directivas del PCUS (B) sobre educación] A.Ya. Podzemskii (sost.). Moscow, Narodnyi komissariat prosveshcheniya RSFSR, 1931, 496 p.] (In Russ.).
23. Lenin V.I. La enfermedad infantil del «izquierdismo» en el comunismo. Moscú, Progreso, 1976, 128 p.
24. Pintos F.P. Historia del movimiento obrero del Uruguay. Montevideo, Corporación Gráfica, 1960, 415 p.
25. Caetano G. Historia mínima de Uruguay. Ciudad de México, El Colegio de México, 2019, 299 p.
26. Wallis R., Alexander R.J. A History of Organized Labor in Argentina. Santa Barbara, Greenwood Publishing Group, 2003, 258 p.
27. Drake P.W. Socialism and populism in Chile, 1932-1952. Springfield, University of Illinois Press, 1978, 418 p.
28. Bellucci S., Weiss H. The Internationalisation of the Labour Question: Ideological Antagonism, Workers' Movements and the ILO since 1919. Heidelberg, Springer Nature, 2019, 436 p.
29. Informe sobre la situación en los sindicatos de Uruguay. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 20, д. 400, л. 12. [RGASPI. F. 495, op. 20, d. 400, l.12].

30. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Коминтерн: люди, структуры, решения. М., Политическая энциклопедия, 2019, 637 с. [Jeifets V. L., Jeifets L. S. Komintern: lyudi, struktury, resheniya. [Comintern: people, structures, decisions] Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2019, 637 p.
31. Jeifets V.L., Jeifets L.S. The Latin American delegation in the celebration of X anniversary of the Russian revolution and the preparation of the Latin American trade union congress, *Izquierdas*, Santiago, 2019, N 48, pp. 64-86.
32. Андреев А.С. Коммунистическая партия Уругвая и Коминтерн: проблемы формирования единого фронта (1922-1938). *Клио*, СПб, 2014, № 12 (96), сс.24-29. [Andreev A.S. Kommunisticheskaya partiya Urugvaya i Komintern: problemy formirovaniya edinogo fronta (1922-1938) [The Communist Party of Uruguay and the Comintern: problems of forming a united front (1922-1938)], *Klio*. 2014, N 12 (96), pp. 24-29] (in Russ.).
33. Щелчков А.А. Коминтерн и КПЧ: поворот к народному фронту в Чили. *Латиноамериканский исторический альманах*, М., 2019, № 22, сс. 204-234. [Shchelchkov A.A. Komintern i KPCh: povорот k narodnomu frontu v Chili [The Comintern and the CPCh: a turn towards the Popular Front in Chile] *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*, 2019, N 22, pp. 204-234] (In Russ.)
34. Plaza Armijo C. Soviets, cuartelazos y milicias obreras: los comunistas durante los doce días de la República Socialista, 1932. *El siglo de los comunistas chilenos 1912-2012*. Ed. O.Ulianova, M.Loyola Tapia, R.Alvarez Vallejos. Santiago, Ariadna Ediciones, 2017, pp. 171-193.
35. Jeifets L.S., Jeifets V.L. América Latina en la Internacional Comunista, 1919-1943. Santiago, Ariadna Ediciones, 2015, 791 p.
36. Стенограмма доклада Гальвеса [Transcript of Gálvez report]. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 79, д. 121, л. 61. [RGASPI. F. 495, op. 79, d. 121. l. 61].
37. Из письма ЮАСКИ в Лендер-секретариат Латинской Америки, 1930 [From a letter from SASC to the Latin Secretariat of Latin America, 1930]. РГАСПИ. Ф. 495, оп. 79, д. 110, л. 213. [RGASPI. F.495, op.79, d.110, l.213].
38. Doyon M. L. La Organización del Movimiento Sindical Peronista, 1946-1955, *Desarrollo Económico*, Buenos Aires, 1984, vol. XXIV, N 94, pp. 203-234.
39. Dicósimo D. Los trabajadores argentinos y la última dictadura: oposición, desobediencia y consentimiento. Buenos Aires, Editorial UNICEN, 2016, 222 p.
40. Armelino M. El proceso político de la reforma laboral en la administración pública argentina (1989-1999), *Trabajo y sociedad*, Santiago del Estero, 2015, N 24, pp. 29-52.
41. Alexander R.J., Parker E.M. A History of Organized Labor in Uruguay and Paraguay. Santa Barbara, Greenwood Publishing Group, 2005, 164 p.
42. Garcé A. Ideas y competencia política en Uruguay (1960-1973). Montevideo, Trilce, 2002, 168 p.
43. Leibner G. Camaradas y compañeros: una historia política y social de los comunistas del Uruguay. Montevideo, Trilce, 2011, 632 p.
44. Chagas J., Tonarelli M. El sindicalismo uruguayo bajo la dictadura, 1973-1984. Montevideo, El Nuevo Mundo, 1989, 245 p.
45. Myers S.L. Los Años Oscuros: Uruguay, 1967-1987. Montevideo, Editorial Latina, 1997, 227 p.
46. Bethell L. Latin America: Politics and Society Since 1930. New York, Cambridge University Press, 1998, 489 p.
47. Huneus C. La guerra fría chilena: Gabriel González Videla y la Ley Maldita. Santiago, Random House Mondadori S.A., 2009, 404 p.
48. Araya R. Movimiento sindical en dictadura: Fuentes para una historia del sindicalismo en Chile. 1973-1990. Santiago, Universidad Alberto Hurtado, 2016, 224 p.
49. Arrate J., Rojas E. Memoria de la izquierda chilena: 1850-1970. Buenos Aires, Javier Vergara Editor, 2003, 449 p.

АНТОН АНДРЕЕВ

50. Montauti M. El PIT-CNT y los gobiernos del Frente Amplio: amigos con derecho a roce, El Observador, Montevideo, 18.02.2020.

51. Riquelme Giagnoni V., Abarca Ferrando M. Más mujeres en los sindicatos. Available at: https://www.dt.gob.cl/portal/1629/articles-106799_archivo_01.pdf (accessed 05.06.2020).

Anton S. Andreev (anton.andreev89@gmail.com)

Candidate of History, Senior lecturer, Department of theory and history of international relations, St Petersburg University

Universitetskaya nab., 7-9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation

The Comintern and the evolution of the trade union movement in the countries of the Southern Cone in XX-XXI century

Abstract. In all countries of Latin America, the basis for the formation of the left movement was the trade union associations that arose in the last quarter of the XIX century. Throughout the pre-war period, links with trade unions remained one of the most important issues on the agenda of the Comintern in the Latin American region. In the postwar years, trade unions became one of the foundations of left-wing coalitions to combat military regimes. This article discusses the influence of the Comintern - its activities and programs - on the formation of the trade union movement in the countries of the Southern Cone. On the basis of the documents of the Comintern and the Communist Parties, the documents of the trade unions, the article defines the stages of the development of trade union movement, the correlation of its national features with the consequences of the influence of Moscow.

Key words: Uruguay, Argentina, Chile, trade union movement, labor movement, Comintern.

DOI: 10.31857/S0044748X0012276-2

Received 18.06.2020.